

A long, narrow, dimly lit restaurant interior. The walls are dark and textured, possibly metal or wood. Rows of small, square tables with simple chairs are arranged on both sides of a central aisle. The floor is dark and appears worn. In the background, there is a set of double doors. A red sign with white text is visible on the right wall, partially obscured by a hanging object. Another red sign with white text is visible on the left wall, partially obscured by a hanging object. The overall atmosphere is gritty and industrial.

Thani Tan

Мы, система

Thani Tan

Мы, система

*<https://litres.ru/74104033>
SelfPub; 2026*

Аннотация

Каждый день здесь похож на предыдущий. Подъём. Заправка. Построение. Обед. Отбой. Бумажные правила въелись в стены, имена стёрты, а вместо людей — номера, выведенные белой краской на спинках коек. Девятый не помнит, как оказался здесь. Он не знает, кто или что стоит за стенами, откуда берётся низкий гул и почему воздух пахнет ржавчиной. Он знает только одно: любое «почему?» карается ударом сухой линейки, оставляющей на коже багровое клеймо. Но однажды ночью в темноте раздаётся шёпот соседа: «Как думаешь, снаружи что-нибудь есть?» — и этот вопрос, простой и невозможный, разрывает тишину, в которой нельзя даже дышать свободно.

«Один и тот же день» — это не история побега. Это история человека, который забыл, что такое небо. Медленная, вязкая антиутопия в духе Кафки, где главный надзиратель — не человек за дверью, а собственное тело, помнящее каждый шрам, и собственное сознание, которое уже не смеет спрашивать. Потому что спрашивать — опасно. А не подчиняться — смертельно.

Содержание

Глава 1	4
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Thani Tan

Мы, система

Глава 1

Каждый день — новый виток одного и того же колеса. Оно не меняет

траектории. Место прежнее. Правила прежние. Даже воздух здесь

застоялся намертво — спёртый, с привкусом ржавчины и старой пыли,

которая оседает на лёгких липким, несмываемым налётом.

Распорядок въелся в стены. Каждый шаг, каждое движение выверено до

миллиметра на выцветших, истрёпанных временах листах. Подъём.

Заправка. Построение. Обед. Отбой. Они висят на каждом углу, на каждой

двери, над каждой койкой. Бумага пожелтела, края обтрепались, но буквы

всё так же въедаются в глаза сильнее тусклого света ламп — от них рябит,

даже когда смыкаешь веки. Между ними — пустота. Толь-

ко тягучее
ожидание.

Я слышу, как дышит человек слева — его лёгкие свистят,
будто в них

застряли влажные опилки. Я слышу, как скрипит пружи-
нами матрас

справа — кто-то ворочается, хотя отбой был час назад. Но
мы не смотрим

друг на друга. Мы не говорим. Даже имён здесь нет — нас
вывели белой

краской на спинках коек. Цифры. Штрих-коды на выдохе.

Кто придумал это? Кто там, за стенами, или над ними? Я
не знаю. Никто

не знает. Может, правды не существует вовсе. Иногда мне
кажется, что

наверху стоят часы с огромными стрелками, и кто-то пе-
редвигает их

вручную, с хрустом. А мы — просто шестерёнки. Ржавые,
изношенные, но

всё ещё вращающиеся по инерции. Может, здесь никогда
никого не было,

кроме нас. Может, правила выдумали сами стены, а мы
лишь покорно

исполняем их волю. Потому что так легче — не думать.
Не спрашивать,

почему завтрак пахнет металлом, а вода в кране всегда

чуть тёплая, будто

её уже пропустили через чужое тело до нас.

Мы подчиняемся. Все подчиняются. Даже тот парень с третьей койки,

который вчера осмелился спросить «Почему?» — теперь лежит в лазарете,

и оттуда доносится только глухой, мокрый стон. Потому что спрашивать

— опасно. А не подчиняться — смертельно.

Иначе — удар. Хрясь!

Я знаю этот звук. Сухая линейка о распахнутую ладонь.

Щелчок, от

которого сводит скулы и на мгновение гаснет свет перед глазами. Удар

отдаётся не столько в кости, сколько в затылок — туда, где ещё теплится

последняя, непотушенная искра гордости. Острая боль растекается по руке

медленной, горячей волной, оставляя багровую полосу.

Отметину.

Клеймо. Я чувствую, как под кожей пульсирует кровь, как немеют

кончики пальцев, будто их присыпали пеплом.

«Ты здесь не человек. Ты — единица. Исполнитель. Тело, которое вовремя

встало, застегнулось и вышло на построение».

Перед отбоем у нас была «поверка». Нас считали. Не по головам — по

пальцам. Надзиратель проходил вдоль коек и касался каждого за плечо. Не

грубо. Почти невесомо. Но от этого прикосновения кожа покрывалась

мурашками, потому что рука у него была холодная. Всегда холодная.

Будто у него внутри не кровь, а масло из той самой машины за стеной. Я

закрывал глаза, когда он подходил ко мне. Считал про себя. Три. Два.

Один. Касание. И он шёл дальше. Сегодня он остановился у койки 5. Я

услышал, как скрипнула пружина — он наклонился. Потом тихий голос:

«Дыши». И пятый задышал чаще. Почему? Я не знаю. Я не повернул

голову. Я смотрел в потолок и видел, как трещина на нём соединяется с

другой трещиной, образуя букву «Т». Терпение. Тьма. Только.

Я лежу в своей кровати. На спинке белой краской выведено: 9. Кровать

такая же, как у всех, но цифра — моя. Я смотрю на ладонь. На ней уже

целая карта полос. Следы, которые никто не считает. Я их не считаю. Это

просто линии. Пересечения. Шрамы, наложенные поверх старых шрамов.

Они не складываются в план побега, не ведут к выходу, не рассказывают историй. Они просто есть. Как и я.

Свет гаснет не сразу — он умирает в два толчка. Сначала потолочные

лампы, длинные и пыльные, моргают раз, другой, точно сомневаясь, стоит

ли вообще оставлять нас в темноте. Потом раздаётся тот самый щелчок не

линейки, а рубильника, сухой и окончательный, — и мрак падает на

помещение разом, как отсечённая плита.

Тишина. Но не настоящая.

Настоящая тишина — это когда нет ничего. А здесь она слоистая,

сотканная из дыханий, скрипов, шороха казённых простыней. Воздух

после отбоя густеет, напитывается теплом тел и кисловатым запахом

усталости. Я лежу на спине. Рука всё ещё горит — ровно, глубоко, будто

под кожей застрял уголёк. Я не смотрю на ладонь в тем-

ноте. Я и так знаю,
что на ней.

Слева — всё тот же свист. Человек с влажными опилками
в лёгких дышит

так, словно каждое дыхание — это маленькая кража у ко-
го-то наверху.

Справа — всё ещё слышно, как кто-то ворочается.

— Девятый... — едва слышно доносится из темноты.

Я молчу.

— Не спишь?

Голос хриплый, тихий. Такой, будто говорить здесь так же
запрещено, как

думать.

— Здесь никто не спит, — отвечаю после долгой паузы.

Сосед тоже молчит. Потом снова шёпот:

— Как думаешь... снаружи что-нибудь есть?

Я прислушиваюсь к низкому гу лу за стенами. К тому са-
мому, что никогда

не прекращается.

— Не знаю.

— Я уже не помню небо.

Слова повисают между нами.

— Может, его никогда и не было.

В темноте раздаётся короткий смешок. Он тут же срыва-
ется в кашель.

— Тогда легче...

И снова тишина. Здесь молчание — единственный язык, который не наказывают.

Где-то далеко, за стенами, которых я никогда не видел, что-то гудит —

низко, утробно, как огромный механизм на холостом ходу. Может, те

самые часы. Может, просто трубы. Я представляю, как стрелка — с

хрустом, с натугой, — делает ещё один рывок, и шестерёнки внутри нас

проворачиваются на одно деление ближе к утру.

Сон приходит не как облегчение. Он приходит как приказ.

И я

подчиняюсь.

Как и этот день, который уже завтра снова сожмёт меня в своих тисках.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.